

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Луна и ветер - основные координаты космического пространства дублируются в самих стихотворениях горой и водой (море и источник). Таким образом каждое стихотворение дает модель лично обжитого, физического пространства как микромодель космоса. Помимо этого в I-ом и 6-ом стихотворениях дается приобщение личности к космосу. В I-ом - благодаря горе Пынлай и луне, в 6-ом - благодаря ветру и луне и ассоциации с Чуанцзы.

"Социальное" пространство задано в предисловии и ему целиком посвящено 4 стихотворения о мятеже в Китае (в центре); элементы социального пространства присутствуют во всех стихотворениях цикла кроме I-го и 6-го.

Основные элементы "социального" пространства, оговоренные предисловием, "я" - "Вы", присутствуют во 2-ом и 9-ом и косвенно в 3 (как досада на разлуку с другом). В 4 стихе с центром соотносится "пожар", с периферией - "барсуки и лисицы", "кони и волы". Во 2-ом и 4-ом с центром соотносится "сражение", с периферией - "эхо войны в горах".

Осознание поэтом себя как социально значимой личности идет через ассоциации с цветком в 5-ом стихотворении, с камнем на вершине горы в 7-ом, с сосной на камнях в 8-ом, с потоком, впадающим в море, в 10-ом стихотворении.

Помимо этого, социальной значимость личности поэта подчеркивается аналогиями с конкретными историческими лицами: во 2ом стихе с Цзун Цзе и Чжугэ Ляном (косвенно), в 7-ом стихе - с Бянь Хэ, в 8-ом - с министром царства Ци Янь Ином, в 10-ом - с Чжан Ляном и Сунь Чу.

Личность стремится преодолеть замкнутость физического пространства выходом в "космос" к бессмертию или выходом в "социальное" пространство (приобщение к активной социальной деятельности). Выход в "космос" реализуется по вертикали, выход в "социальное" пространство реализуется по горизонтали.

Г.Д.Иванова

МОРИ ОГАЙ. ОДНА СТРОКА ИЗ ЕГО НАСЛЕДИЯ

Мори Огай (1862-1922) единодушно почитается в Японии как один из самых больших писателей^I. В его творчестве представлена

проза, поэзия, критика, значительное место занимают переводы европейских классиков (Лессинг, Гете, Ибсен, Андерсен и др.). Жемчужиной его наследия считаются исторические повести, написанные на материале японского средневековья. История преломлялась в них через призму современной ему социальной и нравственной проблематики, обретала актуальное для его времени звучание.

Конечно, фигура Мори Огай чрезвычайно многогранна, сложна, противоречива. Потомственный самурай, он, естественно, был воспитан в правилах своего, военно-феодалного сословия. Моральный кодекс "бусидо" ("путь самурая") предписывал, в частности, готовность жертвовать жизнью ("харакири"), если этого потребует "долг" или "верность господину". Как государственный деятель императорской Японии, врач по профессии, Огай в 1907-1916 гг. возглавлял военно-медицинскую службу армии.

Эти моменты биографии Огай дали известное основание для его негативной оценки левыми критиками 20-х годов. С той поры за ним закрепилась репутация "оплота империи" и певца националистической морали. Между тем, внимательное чтение произведений писателя показывает, что такая характеристика, порожденная полемическими задачами времен становления "пролетарской литературы", страдает односторонностью. В своих исторических условиях эта оценка была оправдана, но ныне, по прошествии более полувека со дня смерти писателя, она нуждается в дополнениях.

Анализ авторской концепции Огай в исторических повестях ("Посмертное письмо Окицу Ягэмон", "Семья Абэ", "Случай в Сакай") позволяет усмотреть в них бесспорно критическое отношение к кодексу самурайской морали.

В цикле рассказов из современной жизни ("Как будто", "Беседка с вистариями", "Удар молотка") Огай подвергает глубокому сомнению смысл такого "краеугольного камня" тогдашней идеологии, как "божественное происхождение" императорской фамилии.

Государственный деятель императорской Японии, он в то же время был одаренным художником и как таковой восставал против угнетения интеллектуальных свобод. В дни ожесточенного гонения на социализм ("дело Котоку", 1910-11 гг.) он выступил с сатирическими произведениями ("Башня молчания", "Столовая"), в которых беспощадно высмеивал "охоту за опасными мыслями".

Нет никакого сомнения в том, что из тогдашних идеологов правящего класса Огай был одним из наиболее мыслящих, дальновидных, способных к реформе. Конечно, его нельзя назвать борцом против военно-феодальной монархии. Было бы преувеличением утверждать, что в его положении генерала действительной службы Огай задавался сознательной целью развенчивать господствующую идеологию. Но незаурядный ум и талант, принадлежность к гуманной профессии врача, пять лет учебы в Европе – все это внесло существенные поправки в его исконно самурайскую закваску.

Историко-идейная и художественная ценность наследия Огай не подлежит сомнению. Без него нельзя воссоздать полноценную картину японской литературы, нельзя составить верного представления о существенных, истинно национальных аспектах японской культуры.

Без знания творчества Огай многое останется непонятным и в современной Японии, где идеологическая традиция (в частности, пережитки "бусидо") играет существенную роль и поныне.

Советскому читателю Огай практически не известен (в русском переводе был напечатан его единственный небольшой рассказ²); В сегодняшней послевоенной Японии критики всех направлений, включая социалистов и коммунистов, рассматривают Огай как одного из самых выдающихся художников нового времени. Учитывая это, наше японоведение не может более проходить мимо его наследия. Не имея нужды идеализировать воззрения Огай, мы обязаны отдать ему должное, показав роль его творчества в социальном континууме и в свете последующего развития японской мысли и литературы.

Из обширного наследия Огай (в издании "Иванами бунко" его полное собрание составляет 53 тома) мы попытаемся здесь раскрыть, для примера, только одну строку. Речь пойдет о стихотворении в традиционном японском жанре "танка", его размер – тридцать один слог. "Танка" гласит: "Футигома-но мукуро-о хата-то нагэутину олупров -нару ками-но матои-ни"³ "Шкуру пятнистой лошади в сердцах швырнул – целясь в богов Олимпа". За этой лаконичной поэтической строкой стоит большой культурно-исторический подтекст. Иностранному читателю она без специального комментария, может быть, и вовсе не понятна.

Прежде всего необходимо пояснить, что "шкура пятнистой лошади" – это напоминание о первом японском письменном памятнике

"Кодзики" ("Записи о делах древности", Уш век); именно на его мифах покоилась доктрина синто о "божественном происхождении".

Один из мифов "Кодзики" повествует о том, как молодой бог Сусаноо-но микото, не желая подчиниться своей старшей сестре — богине Солнца Амаэрасу, буйствует на Равнине высокого неба (Такамагахара). Сусаноо совершает несколько поступков, непростительных с точки зрения морали первобытного общества: вытаптывает посеvy риса, разбрасывает нечистоты, обдирает живую пятнистую лошадь (да еще с хвоста!). Конскую шкуру он швыряет в покои Амаэрасу; проломив потолок, она падает на "небесных ткачих", ткавших платье для его божественной сестры.

Обитель богов синтоистского пантеона Такамагахара получает здесь неожиданное соединение с греческим Олимпом.

Включение в "танка" иностранного слова, да еще в европейской транскрипции (*Олимпос*) — вещь прежде небывалая и знаменательная. После незавершенной буржуазной революции 1868 года шел бурный процесс приобщения Японии к современности и к "большому миру", проходил этот процесс под знаком европеизации всех сторон ее жизни и культуры. Вестернизация стала тогда настолько заметным фактором развития японского общества, что мимо этой проблемы не мог пройти ни один мыслящий современник. Кипели споры, поляризовались мнения. "Западники" готовы были на безоговорочное подражание — вплоть до отказа от родного языка и перехода на английский; "японофилы" усматривали в европейском влиянии сплошной вред, возводили в абсолют "национальную красу". Мори Огай принадлежал к числу тех наиболее дальновидных умов, которые уже в прошлом веке пришли к убеждению: культурная интеграция Востока и Запада становится для Японии потребностью объективной и неотвратимой.

Удивительно экономно и не без изысканности связывает Огай в своей "танка" Восток и Запад. Себя же, японского поэта, он ощущает при этом хозяином этого единого целого, наследником всей мировой культуры.

Европа органически вошла в творческое мироощущение Огай. Но восхищаясь шедеврами ее литературы, искусства, находя в них союзника по борьбе с национальной ограниченностью, он с самого начала был далек от комплекса неполноценности перед Западом.

Дерзко обращается он с богами - равно отечественными и олимпийскими. Слышится напористый тон юности эпохи Мэйдзи, когда набиравшее силы буржуазное государство устами своих и заморских учителей призывало: "Мальчики, побольше амбиции!"⁴.

"Танка" - это малая капля, но в руках мастера она становится отражением целого мира ассоциаций и чувств, за ней стоит целое мировоззрение. ,

¹ См. Сб. "Изучение Мори Огай" ("Мори Огай кэнкю"), Токио, Тикума сёбо, 1971 г., 398 стр.

Ара Масахито, "О писателе и его произведениях" ("Сакуся то сакухин-ницуитэ"), в кн. "Избранные шедевры японской литературы" ("Нихон бунгаку мэйсаку сэн") т.14, Токио, Кайсэйся, 1974, г., 308 стр.

Есида Сэйити, "Послесловие" ("Кайсэцу"), в кн. "Полное собрание сочинений Мори Огай" ("Мори Огай дзэнсэ"), т.3, Токио, Тикума сёбо, 1974, 460 стр.

² Мори Огай, "Однажды в лодке", перевод с япон. В.Костеревой, "Восточный альманах", вып.4, 1961, стр.343-353.

³ См. Сэнума Сигэки, "Литература новой Японии. Влияние западной литературы" ("Киндай нихон-но бунгаку. Сэйкё бунгаку-но эйкё"), Токио, изд. Сякай сисо кэнкюкай сэнпанбу, 1959, стр.19.

⁴ "Boys, be ambitious !" - популярный в свое время лозунг У.Кларка, основателя Саппоровского колледжа (Саппоро ногакко, 1875 г.).

В.А.Лившиц

К ТОЛКОВАНИЮ НЕСКОЛЬКИХ БЕЙТОВ ИЗ КАСЫД 'УНСУРИ

1. Значение касыд Унсური как источников по истории Газневидов отмечалось неоднократно¹. Походы Махмуда подробно описаны арабскими и персидскими историками, однако некоторые сведения об этих походах, в том числе такие существенные, как маршруты, описания вооружения, боевых порядков, военной добычи, сохранились нередко только в касыдах 'Унсური и других газнийских панегиристов. Завоеваниям Махмуда была посвящена не дошедшая до нас поэма Тадж